

С. В. Девятов
ВОЖДИ

*Издание четвертое,
исправленное и дополненное*



ebooks@prospekt.org

ВОЖДИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Представляя книгу «Вожди», подготовленную Сергеем Девятовым, зарекомендовавшим себя трудами по истории жизни и деятельности видных политических деятелей России (см. книги «Забывтая биография», изд-во «Росвузнаука», 1992 г., «Вожди Советской России. Возникновение и становление единовластия в 1922–1927 годы», изд-во I&C, 1998 г., «Единовластие в России», изд-во МГУЛ, 2000 г., «Ближняя дача Сталина», изд-во Kremlin Multimedia, 2011 г., «Жизнь в тени вождей», изд-во «Руниверс», 2014 г. и др.), а также многочисленными статьями и выступлениями, считаю необходимым сделать несколько вводных замечаний.

История России XX в. за последние десятилетия, к сожалению, несколько раз переписывалась заново под менталитет того или иного лидера партии, а также по ложным стереотипам, зачастую заимствованным из западной историографии. Исторические факты подгонялись не только под взгляды нового лидера партии или государства, но и на потребу той или иной новой общественной идеи, которая далеко не всегда соответствовала объективным историческим реалиям. Факты, заимствованные из источников, зачастую «вгонялись» в

прокрустово ложе идеологических догм, а их интерпретация в значительной степени была антинаучной.

Сегодня ситуация постепенно меняется к лучшему. Взгляд на недавнее прошлое России становится более объективным и взвешенным. Задача историков состоит в том, чтобы на основе вновь выявленных источников и понимать, и изучать, и познавать прошлое без идеологических шор, тем более без жестко заданной сверху официальной концепции.

Книга «Вожди» в этом плане представляет несомненный интерес. Она включает в себя развернутые биографии крупнейших деятелей Советской России, находившихся на российском политическом олимпе в период с 1917 по 1924 г. Большинство из них были членами или кандидатами в члены Политбюро ЦК РКП(б). Книга составлена уникально с точки зрения ее содержания и архитектоники: биографии политических деятелей той эпохи, вошедшие в книгу, либо даны в их собственном изложении, либо написаны их близкими соратниками, либо изложены идеологическими противниками большевиков. Их можно найти в биографических томах издательства «Гранат», изданных в 20-е гг. прошлого века, в зарубежных публикациях второй четверти прошлого века и в материалах, находящихся в настоящее время на хранении в

архиве Президента Российской Федерации и Российском государственном архиве социально-политической истории. Автор также дает свой развернутый комментарий по биографиям и изложенным в них фактам и событиям.

Наибольший интерес в этом плане представляют биографии Ленина, Троцкого, Сталина. Например, биография Сталина дана не только в изложении его помощника И. Товстухи, но и в интерпретации его наиболее последовательного и непримиримого идейного и личного врага Льва Троцкого. То же касается и биографий других политических деятелей.

Книга «Вожди» содержит большой фактический материал, связанный с историей как большевистской партии, так и советского государства. Сквозь призму биографий известных политических деятелей просматриваются многие важные события из истории России 20-х гг. XX в.

Выбор вошедших в книгу деятелей партии и государства оказался весьма удачным. Здесь представлено и высшее политическое руководство России — три объемные статьи о Владимире Ульянове (Ленине), три статьи об Иосифе Сталине (Джугашвили), три статьи о Льве Троцком и о многих, многих других. Другая группа биографий посвящена тем людям,

которые фактически являлись идеологами партии и коммунистического строительства в Советской России. Среди них Николай Бухарин и Евгений Преображенский, написавшие в соавторстве знаменитую «Азбуку марксизма». Еще одна группа — деятели, занимавшиеся практической экономической и хозяйственной деятельностью в советском государстве. Эти люди интересны и тем, что они вместе с Лениным и Троцким были идеологами и руководителями процесса перехода от военного коммунизма к эпохе новой экономической политики. В последние десятилетия, в условиях формирования рыночной экономики новой России, их опыт особенно важен и актуален.

В первом издании «Вождей» отсутствовали статьи о Якове Михайловиче Свердлове и Евгении Алексеевиче Преображенском, что можно считать определенным недостатком той книги, ибо Яков Свердлов был не только вторым председателем ЦИК РСФСР (первым был, как известно, Лев Каменев), но и фактическим руководителем организационной работы в большевистской партии и в советском государстве. Его знаменитая алфавитная записная книжка, содержащая перечень партийных кадров и их краткую характеристику, стала незаменимым источником по изучению методов и средств партийного строительства и

положила начало существованию «коммунистической номенклатуры». При этом следует отметить, что Яков Свердлов формально никогда не входил в состав членов или кандидатов в члены Политбюро РКП(б). Этот парадокс трудно объяснить, однако так было.

Возможно, некоторых читателей не удовлетворит то, что в книге не поставлены все точки над *i*, не сделаны завершающие выводы по каждой персоналии. Это на деле оказалось не слабой, а сильной стороной книги, ибо читатель получает возможность размышлять, делать выводы и обобщения, опираясь на различные точки зрения, изложенные как в материалах данной книги, так и в других работах.

Несколько обстоятельств объективного и субъективного порядка, на мой взгляд, придают работе особую актуальность. Россия находится на новом переломном этапе своей истории. Пока, например, не сделаны окончательные выводы относительно политического и общественного строя, создаваемого в России. Капитализм «воровской и чудовищный» — так о нем говорил известный политический деятель 1990-х гг. Егор Гайдар. За ним эту формулировку повторяют и другие политологи. Имеются и другие мнения на этот счет. Изучение истории России в лицах и биографиях поможет лучше понять современность.

В России в 1920-х гг. была одна правящая партия — партия коммунистов. Ныне существует система многопартийности, но она еще совершенствуется, продолжает формироваться. Уроки и парадоксы монопартийности в царской России, существование монопартии во главе советской России, изучены не до конца. И с этой точки зрения деятельность руководства партии — Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК РКП(б) — представляет определенный интерес. Ситуация должна быть осмыслена не по формуле «хотели как лучше, а получилось как всегда», необходим реальный объективный анализ тех явлений и тенденций, которые были характерны для российской действительности начала века.

Сергей Девятков не идеализирует политическую деятельность своих героев, но и не занимается их очернительством, что так характерно для некоторых не очень объективных историков. В связи с этим вспомним, что однажды у Льва Николаевича Толстого спросили, может ли, по его мнению, политический деятель оставаться нравственным человеком и если да, то существуют ли на свете такие люди. Толстой назвал в качестве примеров Махатму Ганди и Авраама Линкольна. Включенные в книгу биографии политических деятелей дают возможность поразмыслить над этими словами великого русского писателя, определить,

насколько эти личности достойны своего народа и общества, которое они создали и оставили нам в наследство.

Биография — это особый жанр. Это не историческое исследование, а фактически сухой перечень фактов, событий и действий в их хронологии. Но эти сведения незаменимы для историка, писателя и всех интересующихся нашим прошлым. А если они к тому же написаны разными авторами с различных методологических позиций и в различных политических целях, они приобретают большое не только познавательное, но и историографическое значение.

И наконец, все ли политические деятели, чьи биографии приведены в книге, были вождями? Думаю, что нет. И с этой точки зрения название книги не вполне точно. Можно закономерно спросить у автора, все ли биографии политических деятелей, включенные в книгу, служат будущему? Напомним слова выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского, считавшего, что история не учит лишь того, кто не хочет у нее учиться. Поэтому подлинная история неотделима и от политических биографий бывших и настоящих руководителей партий, общественных движений и государства. «Не судите, да не судимы будете» — так пророчески сказано в Евангелии. Этими

словами и завершаю свое обращение к читателю.

*Доктор исторических наук, профессор,
Котеленец Е. А.*

ЛЕНИН (УЛЬЯНОВ) ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924). Он известен и под другими псевдонимами, общее число которых приближается к двум сотням. Общеизвестный лидер левого крыла российской социал-демократии, Российской Коммунистической партии и Советского государства. Один из виднейших теоретиков и практиков марксизма. Являлся создателем и главным организатором большевистской, коммунистической партии и Коммунистического Интернационала, основатель, создатель и идеолог Советского государства. Являлся не только талантливым революционером-практиком, но и ученым-обществоведом, одним из наиболее известных российских теоретиков-марксистов. В. И. Ленин, по современным опросам общественного мнения, занимает место в сотне наиболее известных и ярких деятелей новейшей мировой истории¹.

До сих пор вопрос о создании объективной политической биографии В. И. Ленина остается открытым. Дело в том, что десятилетиями из контекста реальной истории вырывались отдельные факты и события его биографии для обоснования того или иного руководящего указания Сталина или Брежнева, Хрущева или Черненко. Этой же цели служило массовое

цитатничество, когда из реального контекста ленинских работ вырывались отдельные удобные в политическом плане фрагменты и таким образом «освещались» и ошибочные, и прямо преступные действия. Именно на таком идеологически-конъюнктурном подходе и были воспитаны целые поколения советских людей. Одновременно все то, что в теории марксизма, в биографии Ленина не устраивало Сталина, его политических последователей, было предано забвению. До сих пор ряд важнейших работ К. Маркса и Ф. Энгельса не переведены на русский язык, не опубликованы и многие работы В. И. Ленина. В 1930–1950-е гг. распространение некоторых ленинских работ, в частности «Письма к съезду», приравнивалось к контрреволюционной агитации и пропаганде, подпадая под действие печально известных литературных пунктов 58-й (политической) статьи Уголовного кодекса. В тот же период активно искоренялось любое неудобное воспоминание о Ленине и о первых годах советской истории. Реальная история быстро и весьма эффективно была заменена системой мифов и легенд, были уничтожены и те свидетели, которые не желали «вспоминать» то, что было необходимо для политических целей Сталина. В спецхраны были отправлены сотни тысяч наименований печатной продукции: сборники документов, книги, журналы, статьи. Тогда же был

подготовлен и канонический «Краткий очерк жизни и деятельности В. И. Ленина». Это издание было тщательно подогнано под сталинские идеологические догмы. Одновременно более ранние биографии Ленина, равно как и все книги по истории партии, были запрещены, а их авторы — например, такие видные историки, как А. С. Бубнов, В. И. Невский, В. Г. Кнорин, Н. Н. Попов и многие, многие другие, — были репрессированы. В стране утвердилось безоговорочное единомыслие, а любой отход от утвержденных свыше догм и схем в исторической науке рассматривался как политическая, идеологическая диверсия.

Все, что не соответствовало политическим целям эпохи культа и единовластия, изымалось из научного оборота. Опубликованная же часть ленинского наследия раздергивалась на цитаты, его работы вырывались из той конкретной исторической среды, в которой они создавались, личные ленинские симпатии и антипатии, изложенные в частной переписке или частных беседах, возводились в некий политический абсолют, если соответствовали интересам Сталина, или хоронились в архивах, если сталинским взглядам не отвечали.

С началом перестройки, а точнее с 1987–1988 гг., в стране наметилась позитивная тенденция к всестороннему осмыслению и изучению

партийного прошлого, личности самого В. И. Ленина. Однако путь к созданию полной и объективной политической биографии В. И. Ленина все еще чрезвычайно сложен. Дело в том, что многие историки и публицисты и сегодня впадают в ту или иную крайность в оценках Ленина и его наследия.

Одни из них рьяно защищают привычный сталинский вариант ленинской биографии. Эти исследователи некритично относятся к тому, что до последнего времени источники по ленинской теме для историков были малодоступны, многие факты его биографии не опубликованы и скрыты от специалистов в архивных спецхранах.

Другие заняты тем, что ниспровергают Ленина и его практическую деятельность. Его работы вновь растаскиваются на цитаты, вырванные из контекста, а его действия оцениваются не с позиций той исторической эпохи, в которой он жил, а с точки зрения тех общечеловеческих ценностей, к которым мы только сегодня с огромным трудом начинаем пробиваться. Поэтому сказать о том, что отечественная историография в состоянии сегодня дать точный политический портрет В. И. Ленина, крайне сложно. Над любым автором довлеет или многолетняя традиция, или импульсивное желание уничтожить и разгромить все старое, замешанное зачастую на неприятии

социалистической идеи. Так что серьезно говорить об объективной политической и научной оценке революционной и государственной деятельности В. И. Ленина не только сложно, но, скорее всего, просто невозможно.

Более того, личность Ленина продолжает вызывать весьма бурную реакцию и через четверть века после развала Советского Союза. Ярким тому свидетельством стал массовый снос памятников революционному вождю, произошедший на Украине в 2014–2015 гг.

Однако определенная позитивная тенденция в исследовании и осмыслении исторической роли и деятельности В. И. Ленина наблюдается в связи с опубликованием в 1990-х гг. фундаментального публицистической монографии доктора философских и исторических наук Д. Волкогонова «Семь вождей». Заслугой автора было то, что он сумел найти и изучить многие новые документы и архивные данные, ранее никогда не публиковавшиеся. Однако при осмыслении этих историографических фактов Д. Волкогонову не всегда удавалось благополучно избегать влияния новых идеологических клише, замешанных исключительно на отрицании старых политических догм.

Именно поэтому на суд читателям представлены две статьи. Одна из них — официальная биография В. И. Ленина, написанная еще в середине 20-х годов сестрой В. И. Ленина А. И. Ульяновой-Елизаровой. Статья отражает официальную, хотя еще и системно не оформленную точку зрения большевистского руководства на жизнь и деятельность Ленина. Вторая точка зрения отражена в очерке эмигрантского журналиста Г. Попова, жившего за рубежом и дважды — в 1922 и 1923 гг. — побывавшего в Советской России.

ЛЕНИН ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Биография, написанная А. И. Ульяновой-Елизаровой для энциклопедического словаря «Гранат» в середине 1920-х гг.²

Владимир Ильич Ульянов (Н. Ленин). Род. в Симбирске 10/23 апреля 1870 г. Отец его, Илья Николаевич, происходил из мещан г. Астрахани, лишился отца в возрасте 7 лет и был воспитан старшим братом, Василием Николаевичем, которому и самому горячо хотелось учиться, но не удалось: пришлось после смерти отца поступить на службу, чтобы содержать семью. Но все то, чего ему не удалось достичь самому, он решил дать младшему брату, которого содержал в гимназии и послал потом в университет. Илья Николаевич говорил детям о брате с чувством глубокой благодарности. Сознание необходимости образования для каждого, усиленной работы над собой для достижения его, почти благоговейное отношение к науке отличали Илью Николаевича всю жизнь и были с детства внушаемы детям. Воспитанный в трудных условиях, рано взявшийся за уроки, чтобы содержать себя самому и не висеть на шее брата, Илья Николаевич отличался всю жизнь строгим сознанием долга, большой исполнительностью в работе, которую требовал неуклонно от себя и от других, — в первую

очередь, конечно, от своих детей и от своих подчиненных. Он сам направлял старших в начале их учения, требуя от них неукоснительного исполнения их обязанностей; приучал их к труду. Между прочим, он высказывал опасение, что у сына Владимира привычки к труду не создастся, ибо ему все слишком легко дается; поэтому на развитие трудоспособности у Владимира он напирал особенно сильно. Сам чрезвычайно скромный в личной оценке, исполнявший всю свою большую и инициативную работу как должное, — не более того, Илья Николаевич был против «захваливания», как он выражался, и, таким образом, постоянным похвалам Владимиру Ильичу в школе создавался дома полезный корректив. Личный пример отца имел, как это всегда бывает в воспитании, еще большее значение. (Володя походил на отца лицом и характером.) Огромным фактором в воспитании было то, что отец являлся не чиновником, как подавляющее большинство служащих того времени, а идейным работником, не жалевшим трудов и сил на борьбу за свои идеалы. Дети, не видя его часто по неделям во время его разъездов, рано научились понимать, что дело — это нечто высшее, чему все приносится в жертву. Его оживленные рассказы об успехах строительства в его делах, о новых школах, возникавших по деревням, о борьбе, которой это

стоило, — и с верхами: власть имущими, помещиками, и с низами: темнотой и предрассудками массы — живо впитывались детьми. Особенно осталась в памяти его радость, проявляемая каждый раз, когда крестьянский сход постановлял открыть школу или выражал удовлетворение существующей. Первым сознательным стремлением его старшей дочери было стать сельской учительницей.

По убеждениям И. Н. был тем, что определялось словами: мирный народник. Взяв должность инспектора народных училищ Симбирской губ., он взялся за организацию нового трудного дела... Как гласят воспоминания его учеников, он был очень чутким педагогом.

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача (доктора медицины), передового по своему времени человека, большого идеалиста, не умевшего прислуживать и сколачивать деньги и потому не сделавшего себе карьеры. Ее молодые годы прошли в деревне, в очень скромной обстановке: физическое воспитание ее было почти спартанским. Она страстно стремилась учиться и всю жизнь жалела, что смогла получить лишь домашнее воспитание. Знала хорошо новые языки и музыку, много читала. Одаренная большим педагогическим тактом, Мария Александровна отдала себя всецело воспитанию

детей. Она отличалась отсутствием предрассудков и большой энергией. При скудных средствах и большой семье она была весь день занята. Твердость ее характера проявилась во весь рост во время ее последующих испытаний. Владимир Ильич всегда с большим уважением и любовью относился к матери и удивлялся силе ее воли.

Таким образом, семейные условия воспитания были очень благоприятны для Владимира Ильича. Он рос в дружной, идейной семье, в трудовой обстановке. Кроме влияния отца и матери, большое и очень благотворное влияние имел на него его старший брат, Александр Ильич. Живя с ним в общей или смежных комнатах вплоть до отъезда его в Петербург и затем во время летних каникул, Владимир Ильич видел, чем он интересуется, какие книги он читает. А на последние два лета Александр Ильич привозил с собой книги по экономике, истории и социологии и, между прочим, «Капитал» Карла Маркса.

Кроме брата и книг, непосредственного революционного влияния на Владимира Ильича в Симбирске того времени не было. Гимназия, руководимая Ф. И. Керенским (отцом бывшего главы Временного правительства), была далека от всяких свобододобивых веяний.

Таким образом, интерес к общественным вопросам питался лишь товарищескими беседами в своей среде, где Владимир Ильич, по воспоминаниям некоторых однокурсников, играл, как оно и должно было быть, первую скрипку, а не испытывал на себе чьего-либо влияния. Сторонних революционных влияний, на которые ошибочно указывают некоторые биографы, — вроде кружков высланных под надзор, или неблагонадежных, — у него в это время не было.

Владимир Ильич окончил гимназию в 1887 г. с золотой медалью. По окончании гимназии Владимир Ильич подал прошение о приеме на юридический факультет Казанского университета. Прямого запрещения поступать в один из столичных университетов ему не было, но директор департамента полиции дал понять его матери, что лучше ему проситься в провинциальный университет и лучше, если он будет жить при ней. Директор Керенский, ввиду выдающихся успехов Владимира Ильича по латыни и словесности, прочил его на филологический институт или на историко-словесный факультет университета и был очень разочарован его выбором. Но Владимир Ильич тогда определенно интересовался уже юридическими и политико-экономическими науками, а кроме того, не был склонен к

профессии педагога, да и знал, что таковая для него будет закрыта, и наметил себе более свободную — адвокатскую.

Влияния университетской и студенческой жизни он, можно сказать, не успел испытать на себе, так как был вынужден покинуть университет через три месяца после поступления. В ту осень студенческие беспорядки прокатились по всем университетам. То был протест студенчества против нового устава, против введения усиленного, чисто полицейского, надзора за студентами. Владимир Ильич, всегда очень свободомыслящий, очень чутко подмечавший и сильно реагировавший на всякое оскорбление личного достоинства, был настроен особенно антиправительственно. Всем этим объясняются донесения субинспекторов, что Владимира Ильича видели в компании студентов, бывших на подозрении. Как бы то ни было, инспектор студентов, на которого наступала взволнованная масса молодежи, утверждал, как передавали матери, что видел Владимира Ильича в первых рядах. В результате он в числе 40 других студентов оказался следующей же ночью арестованным и отправленным в участок.

Всех арестованных выслали затем из Казани на «место родины». Но так как у Владимира Ильича на «месте родины» никого не осталось,

его согласились выслать в деревню Кокушкино, в 40 верстах от Казани, где жила уже под гласным надзором его сестра Анна, пишущая эти строки. В этой деревне прожил Владимир Ильич до осени 1888 г. Там он много читал, поглощал книги по общественным вопросам, выискивал ценные статьи в старых журналах. Осенью 1888 г. Владимиру Ильичу разрешено было переехать в Казань, где он прожил всю зиму. Здесь он разыскал некоторых из прежних знакомых, завел новых. В числе последних он встречался с одной народоволкой, Четверговой, к которой относился с большой симпатией. В общем, он питал всегда большое уважение к старым народовольцам (как о том свидетельствуют воспоминания Крупской, Зиновьева и др.).

К этой зиме относится начало его выработки социал-демократических убеждений. Он начал изучать «Капитал» Карла Маркса, которым очень увлекался. Вступил он и в один из кружков молодежи, который посещал с большим интересом. С весны 1889 г. Владимир Ильич переезжает с семьей на хутор Алакаевка Самарской губ., а с осени — в Самару. Этот самарский период его жизни продолжался четыре с лишним года. Он был посвящен изучению марксизма — Владимир Ильич перечитал за это время все основные сочинения Маркса и Энгельса на русском и иностранных

языках и реферировал некоторые из них для кружка молодежи, организовавшегося вокруг него в Самаре. Это была все более юная, менее определенная и начитанная, чем Владимир Ильич, публика, так что Владимир Ильич считался в ее среде теоретиком и авторитетом. Вообще, социал-демократизм был тогда, особенно по провинциям, только пробивающимся революционным течением и был представлен обычно одной молодежью.

Наряду с выработкой своего революционного мировоззрения Владимир Ильич двигал в эти годы в Самаре и официальную науку. Обратное поступление в университет ему не разрешалось, получались отказы и на ходатайство поехать учиться за границу, и, наконец, только через три года после исключения, в 1890 г., — матери его удалось добиться для него разрешения сдать экзамен экстерном. Тогда Владимир Ильич засел вплотную за работу и совершенно самостоятельно подготовился за полтора года к этому экзамену, который и сдал в два срока — весной и осенью 1891 г. при Петербургском университете. При поездках в Петербург для сдачи экзаменов Владимир Ильич виделся там с некоторыми марксистами, получал и привозил с собой в Самару марксистскую литературу.

По получении диплома Владимир Ильич записался помощником к присяжному

поверенному. Несколько раз пришлось ему выступать по процессам. Запись в адвокаты давала ему профессию, но главная энергия и силы были направлены на изучение марксизма, русской действительности и на подготовку к революционной работе. К этому же — самарскому — периоду относятся первые литературные работы Владимира Ильича.

Осенью 1893 г. Владимир Ильич переезжает в Петербург, где записывается помощником присяжного поверенного. Здесь он заводит связи с петербургскими социал-демократами. Кроме того, он знакомится с литераторами-марксистами Струве и Потресовым. Он пишет ответ Михайловскому по поводу выступлений последнего против марксистов в легальной печати, составивший первую главу его сочинения «Что такое друзья народа». Затем Владимир Ильич выступает с критикой книги Струве. Таким образом, те два с небольшим года, которые Владимир Ильич прожил в Петербурге (с сентября 1893 по декабрь 1895), были употреблены им на борьбу с народничеством и выработку правильного марксистского мировоззрения. Владимир Ильич завязал связи с рабочими. Он ходил заниматься в кружок рабочих за Невской заставой; он писал листки как общеполитические — на 1 Мая, — так и по поводу тех или иных требований на отдельных

фабриках.

К этому периоду относится первая поездка Владимира Ильича за границу (весной 1895 г.) и знакомство с группой «Освобождение труда». Вся эта группа, и особенно Г. В. Плеханов, имела большое влияние на Владимира Ильича. Он ознакомился еще в России с главными литературными произведениями Плеханова, очень уважал его и считал своим учителем. Личное свидание закрепило его связь со всей группой и, как он сам признавал по возвращении из-за границы, много дало ему. Между прочим, он рассказывал, что как Плеханов, так и Аксельрод нашли некоторую узость в постановке вопроса об отношении к другим классам общества. Оба считали, что русская социал-демократическая партия, выступая на политическую арену, не может ограничиться одной критикой всех партий, как в период своего формирования; что, становясь самой передовой политической партией, она не должна упускать из поля своего зрения ни одного оппозиционного движения, которое знаменует пробуждение к общественной жизни, к борьбе против самодержавия различных классов и групп.

Владимир Ильич признал правильность этой точки зрения, и, несомненно, беседы с Плехановым и Аксельродом имели большое влияние на него и помогли ему оформить свои

взгляды и ускорили его выступление на широкую арену революционной борьбы основанием «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Члены группы «Освобождение труда» поощрили его также к выпуску политического органа российской социал-демократии. Первый номер такой подпольной газеты, под заглавием «Рабочая газета», был уже готов и проредактирован Владимиром Ильичом, перу которого принадлежали и все главные статьи в нем. При арестах 9 декабря 1895 г. был забран весь этот материал. Аресты разгромили почти целиком весь кружок; был арестован и Владимир Ильич.

В тюрьме, где Владимир Ильич провел 1 год и 2 месяца, он не переставал работать. Ведя путем переписки шифром и химией регулярные отношения с волей, он посылал таким же способом листовки, брошюры, проект программы партии с объяснениями к ней. По освобождении — в феврале 1897 г. — Владимир Ильич, оставленный департаментом полиции вместе с товарищами на 3 дня в Питере «для устройства своих дел», повидался с работавшими там социал-демократами и выступил решительно против того «экономического» уклона, который стал намечаться в движении.

Поехать в ссылку Владимиру Ильичу было разрешено на свой счет — не по этапу — таким

образом, он, минуя все тюрьмы, приехал по только что построенной тогда сибирской железной дороге в Красноярск, где получил назначение в село Шушенское Минусинского уезда. В этом селе провел Владимир Ильич три года своей ссылки. Сюда приехала к нему через год его невеста Н. К. Крупская. В ссылке Владимир Ильич написал по собранному в тюрьме материалу свою книгу «Развитие капитализма в России»; писал, кроме того, статьи в существовавших недолго легальных марксистских журналах. В Шушенском был также составлен им протест против так называемого Credo Кусковой и Прокоповича.

Вернувшись из ссылки в феврале 1900 г., Владимир Ильич поехал в Псков, избранный им местом жительства (все университетские города и крупные промышленные были исключены для возвращающихся из ссылки). Тогда у Владимира Ильича созрела мысль о том, что партию надо попробовать объединить не съездом, а вокруг газеты, издаваемой за границей.

По приезде за границу решено было издавать газету «Искра» вместе с группой «Освобождение труда». За 2,5 года, до лета 1903 г., до II съезда партии «Искра» приобрела огромное влияние и, несмотря на массу трудностей и провалов, стала распространяться все шире по России. Большинство партийных комитетов встали на

точку зрения «Искры», и на II съезде партии она была провозглашена ЦО³ партии.

Но на этом съезде произошел раскол между большинством и меньшинством съезда — отсюда названия «большевиков» и «меньшевиков». Из членов старой редакции «Искры» за большинство высказался, кроме Владимира Ильича, один Плеханов. Но позднее Плеханов под влиянием Мартова вышел из нее. Владимир Ильич остался в стороне от руководства партией, но так долго продолжаться не могло: большинство организаций, подавляющая часть рабочих в России были на стороне большевиков; они требовали своего органа. И через год большевики стали издавать газету «Вперед». В это время Владимир Ильич жил уже в Женеве. В 1902 г. редакция вынуждена была переехать из Мюнхена, где слезка стала чересчур давать себя знать, в Лондон. Оттуда она перекочевала в Женеву. Все эти годы Владимир Ильич жил чрезвычайно скромно, средства партии были скудны, и он брал очень немного из них, подрабатывая и литературным трудом. Обилие работы и нервная обстановка ее отражались очень сильно на его здоровье; так, перед II съездом, при переезде из Лондона в Женеву, он заболел нервной болезнью, называемой «освященный огонь». После съездов, конференций или крупных разногласий он

старался уезжать куда-нибудь на лоно природы, к морю или в горы, причем выбирал всегда более уединенное и дикое место, самый простой и дешевый пансион.

Волны революции за это время нарастали, особенно с января 1905 г. На эмиграции вообще, и на Владимире Ильиче в частности, это отразилось, с одной стороны, большей интенсивностью и кипучестью работы, а с другой — тем, что стало более неудержимо тянуть в Россию.

Владимир Ильич приехал тотчас после того, как вспыхнула первая наша революция и был провозглашен манифест, открывший двери тюрем и возможность вернуться из эмиграции. Для Владимира Ильича эта возможность оказалась сразу проблематичной: так, он всего одну ночь переночевал по своему паспорту в комнате, снятой для него, и, заметив несомненную слезку, стал менять квартиры и жить по чужим паспортам. Выступал он также под чужими именами. Он указывал на необходимость сплочения рядов, подготовки к решительному бою, к вооруженному восстанию. Он внес также поправку в отношении к первому Совету рабочих депутатов, который тогдашние большевики склонны были игнорировать, на который склонны были глядеть свысока. Он понял то значение, которое имело такое

подлинно избранное массами учреждение, он предвидел его роль в будущем.

Пока можно было думать, что волны революции еще поднимаются, Владимир Ильич стоял за поддержку их, за самую революционную тактику. Когда же движение пошло на убыль, он решительно переменял фронт, высказался за необходимость идти в Государственную Думу, пользоваться ее платформой, когда все другие возможности пропагандировать свои взгляды одна за другой отнимались у народа. Газеты с.-д.⁴ большевиков закрывались одна за другой. До последней возможности партия с.-д. большевиков старалась использовать легальную печать. Но размах пропаганды должен был все сокращаться; приходилось все больше уходить в подполье.

Владимир Ильич вынужден был поселиться в Финляндии, откуда наезжал в Питер, а больше к нему туда приезжали за рукописями, на совещания.

После разгона 2-й Думы, в 1907 г., реакция все сгущалась, и осенью этого года Владимир Ильич получил предупреждение от финляндских социал-демократов, что есть приказ о его аресте. Тогда он с предосторожностями уехал через Або и Стокгольм опять за границу, в Женеву.

Эта вторая эмиграция после временных свобод 1905–1906 гг. была тяжелее первой. Настроение уныния и разочарования охватило широкие слои интеллигенции и молодежи, проникало и в среду рабочих. В партийных кругах (среди меньшевиков) появилось так называемое ликвидаторство — проповедь сосредоточения всей работы в легальных рамках. Настроение было очень подавленное. Но Владимир Ильич не терял бодрости и поддерживал ее в других. Он указывал на причины подавления революции 1905 г. и говорил, что надо готовиться к следующему подъему ее. Как в прежнее время он использовал ссылку для научной работы, так и теперь наиболее глухое время второй эмиграции он посвятил изучению философии, которой до тех пор не было времени заняться, и своей философской книге «Материализм и эмпириокритицизм», вышедшей в 1909 г.

Летом 1911 г. Владимиром Ильичем была организована партийная школа в Лонжюмо (под Парижем) и прочитан ряд лекций рабочим из России. В 1912 г. он избирается в Международное социалистическое бюро.

Но силы в массах накапливались. Прежде всего, несмотря на всяческие трудности и стеснения, стала развиваться легальная рабочая печать. Ежедневная рабочая газета «Правда» стала

выходить в Питере. Открылся новый фронт, на котором надо было сосредоточить силы, и Владимир Ильич переехал в Краков. Скорый поезд шел оттуда до Петербурга только 12 часов, статьи могли поспевать вовремя, газета получалась на другой день. Легче можно было встречаться с нелегальными работниками, с членами Думы.

Но надвинувшаяся европейская война смешала все карты. Все рабочие органы были закрыты. Владимир Ильич в самом начале войны был арестован австрийскими властями и просидел около трех недель в тюрьме. Благодаря хлопотам австрийских социал-демократов он был освобожден и уехал в Швейцарию. Среди охватившего все партии патриотизма почти единственно его голос призывал не отступать от международной точки зрения, отмечал, что единственным способом борьбы против империалистической войны должно быть превращение ее в войну гражданскую, в каждой стране против своего правительства.

На Циммервальдской и Кинтальской конференциях Ленин был представителем левого крыла интернационалистов. Их было в то время за границей незначительное меньшинство, громадное большинство социалистов было настроено патриотически. Владимиру Ильичу пришлось пробивать брешь в толстой стене

почти всеобщего непонимания.

В 1916 г. Ленин написал книгу «Империализм как новейший этап капитализма».

С революцией 1917 г. Владимир Ильич сразу же стал рваться в Россию, но это не так-то легко было осуществить в то время. Троцкий, поехавший через Англию, был задержан там. После нескольких более или менее неисполнимых планов Владимир Ильич решил поехать через Германию в «запломбированном» вагоне. Этот «запломбированный» вагон был в то время сильно использован всеми врагами Владимира Ильича и большевиков: их клеймили как изменников, пошедших во время войны на соглашение с враждебным нам германским правительством. Между тем соглашение состоялось лишь в том, что такие-то проедут через Германию, но при полном отказе с кем бы то ни было в этой стране видаться или говорить. Для того-то и была выбрана форма «запломбированного» вагона.

Едучи в Россию, Владимир Ильич был совершенно не уверен, что не будет там арестован правительством Милюкова, более того, был почти убежден, что этот арест произойдет. Но оказалось, что он, благополучно проехав через Стокгольм, проехал так же благополучно и через Финляндию, вплоть до границы с Россией,

до станции Белоостров, где был встречен некоторыми партийными товарищами, вместе с которыми приехал вечером 2 апреля (старого стиля) в Петербург. Здесь, на Финляндском вокзале, ему была устроена торжественная встреча.

Владимир Ильич обратился к товарищам с броневики с краткой речью. Он отмечал, что революция, свергнувшая трон Романова, ничего не дала рабочим и крестьянам и что Временное правительство, — как кадетское, так позднее на половину эсеровское, — ничего дать не в состоянии и должно быть свергнуто. В том же смысле писал он решительно и в «Правде». Первый опыт восстания в июле, от которого коммунистическая партия удерживала, был неудачен: многие выдающиеся большевики были арестованы Временным правительством. Владимир Ильич и Зиновьев, чтобы не подвергнуться этой участи, которая для Владимира Ильича особенно могла оказаться роковой, решили скрыться.

В это время, как Владимир Ильич отмечал впоследствии, укрывать человека его убеждений могли лишь рабочие, и оба они скрывались сначала в квартирах рабочих в Петербурге, потом в Сестрорецке и, наконец, в Финляндии. Пришлось прибегнуть ко всем формам нелегального житья, к гримировке, парикам,

чужим паспортам; пришлось часто менять квартиры, ездить за кочегарами на паровозе, скрываться в шалаше. Но и оттуда Владимир Ильич следил за жизнью партии, писал статьи и письма в ЦК. В этот период он начал книгу «Государство и революция», законченную позднее. Видя, что влияние большевиков растет среди рабочих, авторитет же Временного правительства все больше расшатывается в массах, — Владимир Ильич стал настаивать на необходимости без дальнейшей проволочек восстания против Временного правительства.

Ко времени созыва II Всероссийского съезда Советов Владимир Ильич приехал нелегально в Питер и принимал лично участие в заседаниях ЦК. Восстание было решено и состоялось 25 октября (старого стиля). В этот день вечером на первом заседании II съезда Советов было заявлено о захвате власти коммунистической партией и о свержении Временного правительства. Владимир Ильич выступил с провозглашением Советской Социалистической Республики и ее первых двух декретов: о прекращении войны и о том, что вся помещичья и частновладельческая земля поступает в безвозмездное пользование трудящихся.

Строительство новой советской власти началось среди чрезвычайных трудностей: почти вся интеллигенция и все советские служащие

объявили ей бойкот. Конституирование правительства без сотрудничества других партий и направлений вызвало разногласие и в ЦК коммунистической партии. Но Владимир Ильич был решительно против всякого сотрудничества, он твердо верил в массы, в то, что пролетариат сможет управлять и сам государством, что на деле, за работой, он будет расти и учиться неизменно быстрее. Но такое конституирование правительства из людей одной коммунистической партии, опытных в революции, но совершенно неопытных в строительстве государства, возложило громадную работу и ответственность на Владимира Ильича, стоявшего во главе нового правительства как председатель Совета Народных Комиссаров. Ему пришлось самому направлять работу во всех отраслях, — начиная с военной и кончая продовольческой или просвещенской. Гражданские войны, голод и хозяйственная разруха в результате как тех потрясений, так и предшествовавшей им мировой войны, — все это требовало колоссального напряжения энергии и сил от Владимира Ильича, стоявшего во главе правительства. Сильно подорвало здоровье Владимира Ильича покушение на него эсерки Каплан 30 августа 1918 г. во дворе завода Михельсон, где Владимир Ильич выступал на митинге. Ранения, причиненные ему Каплан,

едва не стоили Владимиру Ильичу жизни.

По инициативе Владимира Ильича и опять-таки при сильном сопротивлении части ЦК партии был заключен в 1918 г. так называемый Брестский мир с Германией. Была создана крепкая и боеспособная Красная армия, одержавшая победу в гражданских войнах. С окончанием гражданских войн стало налаживаться хозяйство страны. Но самая многочисленная часть населения — крестьянство, наиболее истощенное войнами и суровым военным коммунизмом, нуждалось в отдыхе, нуждалось в более нормальных условиях, в которых оно могло бы выбиться из хронической голодовки, смогло бы приступить к восстановлению хозяйства. Владимир Ильич понял железную необходимость изменения политики в этом смысле и ввел вместо продразверстки продналог. Он ввел так называемую новую экономическую политику, разрешившую частную свободную торговлю, давшую возможность крестьянству и широким слоям населения искать самостоятельно тех средств существования, которых государство не могло еще дать им.

В то же время Владимир Ильич настаивал на развитии предприятий государственного типа, на электрификации, на развитии кооперации. Он указывал, что в ожидании мировой пролетарской

революции надо, удерживая всю крупную промышленность в руках государства, частично, понемногу осуществлять социализм в одной стране.

Но колоссальная перегруженность Владимира Ильича работой начала сказываться на его здоровье: он стал страдать головными болями и бессонницей. Врачи находили сначала лишь общее переутомление и рекомендовали продолжительный отдых. Но воспользоваться таковым не давали Владимиру Ильичу как условия существования СССР, требовавшие напряженной работы от правительства, так и его собственный характер, строгое отношение к себе, ко взятым на себя обязанностям, ежеминутная забота о том, как все обстоит в государстве, неумение отвлечься вполне, отдохнуть: он сам жаловался, что на прогулках думает все о тех же делах. И болезнь стала прогрессировать. 25 мая 1922 г. его постиг первый удар. Полный отдых и внимательное лечение поставили его на ноги к осени, и с октября этого года он вернулся к занятиям; но сравнительно с прежними они были сильно сокращены, Владимир Ильич только около двух месяцев смог выдержать их. В последних днях ноября он слег. В эти месяцы — до марта — он получал еще, хотя и в самых общих чертах, осведомление о делах и диктовал секретарю свои последние статьи.

В марте с ним произошел второй удар, лишивший его употребления речи, которая, несмотря на усилия врачей и на то, что физически Владимир Ильич за лето поправился, не возвращалась уже до самой кончины — 21 января 1924 г. в 6 ч 50 мин вечера. Смерть наступила почти внезапно, ничто не предвещало такого близкого конца. Вскрытие обнаружило полную изношенность артерий мозга, в то время как общий атеросклероз отмечался у Владимира Ильича лишь в умеренной степени.

Тело его было набальзамировано и положено в Мавзолей на Красной площади.

ЛЕНИН — «ЦАРЬ КРЕСТЬЯН И РАБОЧИХ»

**Очерк журналиста и литератора Г. Попова.
Опубликован в книге «Стремящимся в
Россию...», Берлин, издательство «Наши
проблемы», 1924 г.⁵**

В последний раз ныне покойный Ленин публично выступил в ноябре 1922 г. на торжественном заключительном заседании Советов в Большом театре⁶. Вскоре затем он окончательно устранился от государственных дел.

Это последнее выступление Ленина было весьма знаменательно. Год с лишним он ни разу не говорил перед большим собранием — в пять-шесть тысяч человек. Незадолго до того он произнес лишь две короткие речи на осенней сессии Всероссийского Центрального Комитета и на четвертом конгрессе Интернационала. Теперь он снова стоял лицом к лицу с массами, со своим народом.

Чтобы составить себе представление о политической физиономии этого человека, необходимо видеть его именно перед массами. Только в этой обстановке проявляется весь настоящий Ленин.

Огромный красный бархатный с позолотой зал Большого театра переполнен. Все меры предосторожности были приняты. На площади гарцевали конные чекисты и с руганью отгоняли слишком любопытного пролетария... Нас, журналистов, повели через подвал, где буквально через каждые два шага торчал красноармеец с винтовкой. Так и царя не охраняли.

На сцене, переполненной людьми, за длинным, покрытым красной скатертью столом поместился президиум. Председательствовал Каменев. «Сливки» Кремля все были налицо. Тут и Калинин, и Радек, и Стеклов, и Луначарский, и Крыленко, и пр., и пр.

Каменев открывает заседание, принимающее сразу театральный характер. Все напряженно ждут появления Ленина, Каменев же спокойно ставит на голосование вопрос о порядке выборов нового Центрального Комитета⁷. Нетерпение растет. Утешаются тем, что это не одна формальность и что вот-вот заговорит Ленин. Но нет. Из задних рядов кто-то «желал бы получить разъяснение», как будут участвовать в выборах безработные. Оратор вносит предложение ввести в программу соответственный параграф. Часть публики высказывается «за» — большинство же совершенно равнодушно ко всяким выборам, да и к безработным всего света, как бы только

поскорее увидеть и услышать Ленина, «великого» Ильича. Но Каменев возвышает голос и быстро справляется с шумом, он просто-напросто заявляет: «Способ выборов всесторонне разработан компетентными членами Совета; кто “за” — пусть подымет руку». И все поднимают руки...

После столь благополучного разрешения этого вопроса раздался голос: «Ленин! Ленин!» Ко всеобщему разочарованию Ленин все еще не выступает. На эстраде какой-то товарищ Дорофеев. Он приступает к докладу «о результатах годичной деятельности Московского Совета в области общественного призрения». Повеяло скукой... Однообразно, невыносимо скучно, монотонно говорит, говорит, битых два часа говорит. Толпа дошла до белого каления. Но Каменев поглаживает бороду: он доволен — блестящий успех постановки. И вот теперь только он медленно поднимается с места и торжественно возглашает: «Слово за товарищем Лениным».

Все присутствующие на сцене поднимаются с мест и посередине образуется проход, настоящий коридор из человеческих фигур, уходящий вглубь, до кулисы. В этот темный проход, откуда сейчас должен появиться Ленин, направлены глаза всей аудитории — шести тысяч человек. Все члены Совета и «привилегированные»

коммунисты на сцене, все в зрительном зале, еще не увидев Ленина, уже начинают кричать и аплодировать. Все дипломаты и журналисты в ложах, даже все музыканты в оркестре, сыгравшие при последних словах Каменева «Интернационал», тоже поднимаются с мест и впиваются глазами в ту темную точку, откуда должен появиться Ленин. Тягуче тянутся секунды... Все боятся пропустить знаменательный момент. В жизни своей не доводилось мне переживать что-либо подобное... Минуты три толпа рукоплещет, вопит и упорно не сводит глаз с заветной точки... Многими овладевает беспокойство — уж не случилось ли чего. Но вот быстрыми шагами, почти бегом, выходит Владимир Ильич Ленин, российский «крестьянский и рабочий царь».

Толпа, состоящая, конечно, из одних коммунистов⁸, гудит, рукоплещет своему идолу, а он не достаивает ее взглядом. Он пожимает направо и налево руки членам Советов, что-то говорит... но вот он подошел к рампе, прислонился к столу и уставился потупленным взглядом в потолок⁹. Наконец, посмотрел он и на собравшихся в зрительном зале и усмехнулся.

Полурусский, полутатарский череп, какой повсюду в России встречается тысячами. Небольшие, с огоньками, слегка косые глаза.

Черты лица суровые, угловатые. Самое характерное — широкий лоб, уходящий в лысину, лоб как бы подавил все остальные черты лица. Ничего сентиментального. Так стоял он перед нами в простом наглухо застегнутом френче. Безыскусственно прост.

Люди этой категории не тщеславны. Им, может быть, доступно лишь единственное — наслаждение властью. Одно мановение руки, и все замолкло. Можно было бы услышать падение булавки. Ленин начал говорить.

У Ленина особые ораторские приемы. Он обращается с речью к тысячам, как если бы они вели о чем-нибудь дискуссию у себя дома, в тесной комнате с двумя-тремя студентами-сверстниками. Он пересыпает речи остротами, говорит оживленно, с сарказмом. Мысли бегут одна за другой. Выражение лица меняется непрерывно. Вот он смотрит с суровой серьезностью, вот прищурил левый глаз, вот хитро подмигнул. Он принадлежит к породе тех истинно народных ораторов, каких встретить можно разве только в Лондоне, на митинге в Гайд-Парке. Такого сорта ораторов в старой России было немного... Ленин, этот интернационалист, ведет речь совершенно в русском духе. Он часто пускает в оборот крепкие русские словечки. Он умеет затронуть национальную струнку. Он хорошо знает

национальную душу, этот коммунистический космополит. «Владивосток снова нашенький!» — радостно провозглашает он и вызывает бурю восторгов. Он ведет за собой толпу так, что она этого не замечает. Он человек фактов, питает огромное доверие к устойчивости «пролетарского» государства, им созданного. И поэтому-то он говорит так, что каждый чувствует: «Этот знает, чего хочет». Мы решились на отступление только для этого, чтобы потом сделать еще больший скачок вперед... Он говорит как школьный учитель с кучей ребят. Каждое слово — поучение; если нужно, то и нравоучение. Он насильственно вколачивает в головы «сознательных масс» свои идеи, но сильнее всего приковывает он к себе слушателя, когда с почти пророческим подъемом он касается великих мировых проблем и их взаимоотношений...

Так говорит этот человек, без которого русская революция, да, наверное, и большая часть всеобщей истории, пошла бы по совершенно другим путям. Сын мелкопоместного дворянина¹⁰, он по натуре все же коренной русский мужик полутатарской крови. Я знавал во время моего долгого пребывания в Симбирской губернии много членов этого рода Ульяновых. Все они были несколько эксцентричны. Но все были в том или ином отношении даровиты.

Для полноты характеристики Ленина стоит привести один малоизвестный факт. В ноябре 1917 г., через несколько дней после большевистского переворота в Смольном институте, этой первой цитадели большевиков, заседал Совет Народных Комиссаров. Все декреты составлялись в кабинете Ленина. Приступили к обсуждению декрета по столь капитальному вопросу, как создание Красной армии, — этой основы советского строя. В стране все шло шиворот-навыворот, и в самом Смольном теряли голову. Военные эксперты оглашают проект декрета; Ленин с ним не согласен. Никто не знает, как это делается. Тут Ленин сам берется за перо, и через каких-нибудь 30–40 минут декрет уже готов и им уже подписан. Еще полчаса — и телеграф разносит текст декрета по всей России...

Что же он представлял собой? Дикарь или святой? Быть может, Христос и Тамерлан в одном лице? И типичнейший кабинетный ученый! У него была какая-то болезненная потребность все формулировать. Теоретик и в то же время практик. Тамерлан-Христос за письменным столом. Его личность — теперь уже достояние легенды. Пройдет сто, тысяча лет, и пришедшие нам на смену поколения, наверное, провозгласят его гением. Мы, ныне живущие, слишком близко стоим к этому человеку, чтобы решиться на

какой-либо приговор о нем, ведь тотчас же раздадутся самые страстные возражения с самых различных сторон. Но не нужно вовсе быть большевиком для того, чтобы утверждать, что история будет вынуждена дать ему место в рядах великих людей. Ленин — фанатический, можно сказать, гениальный Разрушитель.

Но куда делись утопии его юности? Он сам дал ответ на этот вопрос. «Мировая революция, — говорит он, — не может быть сделана без обещаний. Все равно, исполнять ли их или нет. Кто этого не понимает, не понимает вообще, как следует делать революцию»¹¹.

Нередко сопоставление Ленина и Петра Великого! Подобно Петру и Ленин не остановился перед тем, чтобы произвести коренную ломку народной жизни. Окончательный, безоглядный разрыв со старым! Великое глубокое социальное переслоение, огромное значение коего для будущности России никто еще ныне не в состоянии оценить, на 80% дело большевистской революции — дело Ленина. Он «перепахал» Россию. Это его работа. Никто другой не сумел бы совершить нечто подобное. Будем надеяться, что разрушительная работа Ленина подобится работе пахаря, глубоко взрыхляющего землю, дабы сделать ее плодородной... Будем надеяться...

Однажды Ленин пришел в зал заседаний Народных Комиссаров. На стене висел, как и во всех помещениях русских государственных учреждений, его портрет¹². Налево от него Маркс, направо Энгельс. Шутник Радек сказал, обращаясь к нему: «Знаешь, Ильич, ты посередине и Маркс слева — это я понимаю. Но справа следовало бы поместить Петра Великого». Ленин и все присутствующие засмеялись. Они, может, быть, вспомнили при этом слова известного реакционного русского профессора. «Немало русских, — сказал тот, — как и я, ненавидят Ленина, но одно следует за ним признать: давно уже никто из русских людей не плюнул так здорово Европе в физиономию, как он».

Здание советского государства покоилось в первую очередь на плечах Ленина. Сами коммунисты знали это лучше всех и оберегали своего вождя, как какую-нибудь хрупкую драгоценность. Шесть лет правил Россией этот человек, и только немногим русским доводилось видеть его. В прежние времена легче было встретить русского царя, прогуливающимся по царскосельскому парку, чем очутиться теперь лицом к лицу с Лениным. В Кремле и в Горках, предоставленной ему подмосковной даче, где он проводил лето со своей женой и единственной сестрой, ведя скромный, почти крестьянский

образ жизни, день и ночь сторожила специальная лейб-гвардия, комплектуемая из надежнейших коммунистов¹³.

На всех публичных выходах Ленина неизменно присутствовал командир личной охраны, мрачная, сосредоточенная в себе личность. И во время речей Ленина этот Мрачный дух¹⁴ неизменно становился рядом с ним. Так было и на последнем выступлении Ленина. Когда Ленин кончил говорить, когда снова грянул взрыв оглушительных возгласов, когда снова поднялся ни с чем не сравнимый шум, вокруг Ленина мгновенно сомкнулся отряд военных. Его охватили тесным кольцом и по темным ходам и лестничкам поспешно увели к автомобилю, который с места ринулся полным ходом сквозь толпу, вон из Москвы в Горки, в надежное пристанище. Таково было последнее выступление Ленина перед «возлюбленными массами».

ТРОЦКИЙ (БРОНШТЕЙН) ЛЕВ ДАВИДОВИЧ

**Биография, составленная В. Невским в
середине 1920-х гг. для энциклопедического
словаря «Гранат». Приводится с
сокращениями**

Троцкий Лев Давыдович, род. 26 октября 1879 г. в дер. Яновке Елизаветградского уезда, Херсонской губ. и до 9 лет жил в небольшом имении своего отца, херсонского колониста. Девяти лет Т. был отдан в одесское реальное училище, проучился там до 7 класса, а затем был переведен в Николаев, где и закончил свое среднее образование. По окончании училища Т. пытается поступить вольнослушателем на математический факультет. К этому периоду относится начало его общественно-политической деятельности. Переведясь в Николаев, Т. попадает в среду революционно-настроенной молодежи, но в первое время считает себя скорее противником марксизма, чем марксистом.

Эта молодежь вскоре заводит связи с николаевскими рабочими. Николаевская организация заключала в себе в 1897 г. 250 рабочих, что по тому времени было весьма много. Организация перебросилась в Одессу, и ему пришлось служить связующим звеном между

одесской и николаевской группами. О деятельности кружка вскоре проведали власти, в организации нашлись провокаторы и предатели. «Ареста ждали мы со дня на день, — рассказывает Т., — так как в Николаеве всех нас называли по именам, то мы считали “неудобным” уклоняться от ареста, ежели он обрушится на организацию. 28 января 1898 г. я был арестован». За арестом последовали переселения из одной тюрьмы в другую: просидев некоторое время в николаевской тюрьме, Т. был переведен сперва в херсонскую, затем в одесскую тюрьму, где и пробыл около двух лет. Здесь последовал приговор о высылке Т. на поселение в Восточную Сибирь на 4 года и вслед за приговором — длившееся месяцами пребывание в московской, иркутской и Александровской пересыльных тюрьмах. В тюрьме Т. становится марксистом. «Решающее влияние, — рассказывает он по этому поводу, — на меня оказали два этюда Антонио Лабриола о материалистическом понимании истории. Только после этой книги я перешел к Бельтову¹⁵ и к “Капиталу”. На время ссылки, — говорит он, — я вышел, так сказать, на литературную дорогу. Начал с корреспонденций, а затем перешел к статьям в иркутской газете “Восточное обозрение”». Пробыв около двух лет в ссылке в селе Усть-Кут Иркутской губ., Т. в августе 1902 г. бежит через Иркутск в Самару с поддельным паспортом на имя Т., впоследствии

ставшего его общественным псевдонимом.

«Я сам вписал это имя в имеющийся у меня паспортный бланк, я назвал себя по имени старшего надзирателя одесской тюрьмы». По пути из ссылки Т. заводит связи с сибирским социал-демократическим союзом в Иркутске и с центральной группой организации «Искра» в Самаре. Выполнив некоторые поручения этой группы, Т. едет в Лондон, где в то время находилась редакция «Искры», руководимая Лениным, Мартовым и Засулич, при сотрудничестве живших на континенте Плеханова, Аксельрода, Потресова. «Насчет моей дальнейшей работы разговор был в этот раз, разумеется, лишь самым общим, — вспоминает Т. — Я хотел прежде всего ознакомиться с вышедшей литературой, а затем предполагал нелегально вернуться в Россию. Решено было, что я должен сперва “осмотреться”. Я принялся с жадностью поглощать вышедшие номера “Искры” и книжки “Зари”. К этому же времени относится начало моего сотрудничества в “Искре”. В лондонский период, как и позже, я гораздо чаще встречался с Засулич и с Мартовым, чем с Лениным». Ко времени сотрудничества в «Искре» относятся и первые выступления Т. с докладами в русских колониях в Брюсселе, Льеже и Париже. В связи с переездом редакции в Женеву туда же переезжает и Т. После своего

приезда за границу Т. выступает в роли представителя сибирского социал-демократического союза на II съезде РСДРП. В полемике по вопросу о партийном уставе, расколовшей партию на фракции «большинства» и «меньшинства» (или оппозиции II съезда), Т. примыкает к последним. После съезда Т. продолжает сотрудничать в «Искре», перешедшей в руки меньшевиков, и вступает в тот меньшевистский центр, который был образован тотчас же для борьбы с большевиками; мало того, Т. принимает участие в выработке тех мер, которые сводились к тому, чтобы всюду, начиная сверху и кончая низовыми организациями, были образованы в противовес большевикам меньшевиками группы, была создана в случае надобности своя меньшевистская группа и своя меньшевистская пресса и т. д. Однако в 1904 г. Т. отходит от меньшевиков, расходясь с ними по вопросу о возможности соглашений с либеральными партиями. В эти годы его политические взгляды складываются в теорию «перманентной революции». «В отношении оценки внутренних сил революции и ее перспектив, — характеризует свои взгляды Т., — автор не примыкал в тот период ни к тому, ни к другому из главнейших течений в русском рабочем движении».

После 9 января Т. возвращается в Россию и

работает сперва в Киеве, затем в Петербурге, поставляя литературный материал для нелегальной типографии Центрального Комитета РСДРП. В 1905 г. он входит в Петербургский Совет рабочих депутатов и избирается его председателем. В это время он издает вместе с Парвусом «Русскую газету» и принимает ближайшее участие в газете «Начало». В декабре 1905 г. Т. подвергается аресту вместе с другими членами Петербургского Совета. В октябре 1906 г. петербургская судебная палата приговаривает главных обвиняемых к лишению всех прав и к ссылке на поселение. Т. высылается в Обдорск, Тобольской губ., но бежит из Березова, не доехав до места назначения. На Лондонском съезде в 1907 г. Т. возглавляет группу «центра», не примыкая ни к большевикам, ни к меньшевикам. Однако по одному из самых острых вопросов на съезде, а именно по вопросу об отношении к буржуазным партиям, Т. приближается к взглядам Ленина. После съезда Т. поселяется в Вене. В 1908 г. вместе с А. Иоффе издает газету «Правда». «Правда» была газетой меньшевистской организации. Попытки Л. Б. Каменева склонить Т. к решительному переходу на сторону большевиков не увенчались успехом. В 1909 г. Т. уже определенно и решительно переходит на сторону меньшевиков. В сентябре 1912 г. большевики собрали совещание в Кракове. В противовес большевикам,

подготовлявшим краковское совещание еще в январе 1912 г., Т. и меньшевики-ликвидаторы составили так называемый организационный комитет по созыву всероссийской конференции. В августе открылась конференция, но собрать всю партию не удалось. Конференция была явно антибольшевистской, что видно хотя бы из того, что вместо требования созвать Учредительное собрание конференция выдвинула лозунг полновластной Государственной Думы. Созданная августовским объединением газета «Луч» была настолько беспринципной, что из газеты ушел и сам Т. В 1914 г. Т. основывает новый журнал «Борьба», в котором проводит все ту же «нефракционную линию», поддерживавшую меньшевиков. После объявления войны он переехал в Цюрих. В ноябре 1914 г. он переехал во Францию. В сентябре 1915 г. Т. принимал участие в Циммервальдской конференции. В конце сентября 1916 г. был выслан из Франции. Два полицейских инспектора вывезли его на границу Испании. В Мадриде он был арестован и через три дня ему было предложено выехать в Америку. В середине января (нов. ст.) 1917 г. он высадился с семьей в Нью-Йорке. Как только разразилась русская революция, Т. отправился в Европу. В Галифаксе его задержали. После месячного заключения в Канаде он был освобожден по требованию Временного

правительства и прибыл в Петроград в первых числах мая по старому стилю. В Петрограде Т. примкнул к организации объединенных социал-демократов-интернационалистов («межрайонный комитет»). Позицию этой организации Т. характеризует так: «Отношения этой организации к партии с.-д. большевиков были вполне дружественными. Я считал, что принципиальные разногласия, отделявшие нас раньше от большевиков, изжиты, и потому настаивал на необходимости скорейшего объединения...» В июле 1917 г. Т. формально переходит к большевикам. Переход Т. к большевикам происходил, однако, с известными колебаниями. Т. прямо заявлял, что он назвать себя большевиком не может.

Т. принимает деятельное участие в подготовке Октябрьского переворота; после июльского выступления подвергается аресту и около двух месяцев проводит в тюремном заключении. 23 сентября 1917 г. он избирается председателем Петроградского Совета, а в октябре играет руководящую роль в Петроградском революционном комитете, организующем вооруженное восстание. После Октябрьского переворота Т. становится народным комиссаром по иностранным делам и едет в Брест для мирных переговоров с Германией, отказываясь, однако, подписать мир.

В дальнейшем Т. занимает посты наркома путей сообщения, наркома по военным и морским делам и, наконец, назначается председателем Революционного военного совета. На VI съезде коммунистической партии Т. избирается членом Центрального Комитета. За время своего пребывания в партии Т. принимает участие в ряде всероссийских дискуссий: о Брестском мире, о профсоюзах, о партаппарате, о плане и т. д.

В 1924 г. вышел сборник статей Т. с его предисловием «Уроки Октября». В этом предисловии подвергалась пересмотру вся большевистская концепция революции, и в основу оппозиционной платформы клалась гипотеза перманентной революции, т. е. его недооценка роли крестьянства в революции.

Из этого основного неправильного положения вытекали и дальнейшие неверные положения — о роли профессиональных организаций и задач Коминтерна, о роли и значении партии, об аппарате партии и ее руководящих органах, о демократии и т. п. Это и привело к образованию второй троцкистской партии, к борьбе этой партии против ЦК ВКП(б), к открытым выступлениям и демонстрациям против пролетарской диктатуры и против ЦК. Партия не могла ответить на это иначе, чем исключением Т. и всей оппозиции из ее рядов.

ТРОЦКИЙ — «СОВЕТСКИЙ ГЕНЕРАЛИССИМУС»

Очерк написан журналистом Г. Поповым в 1923–1924 гг. Текст приведен по изданию: Попов Г. Стремящимся в Россию... Берлин, издательство «Наши проблемы», 1924 г.[16](#)

Объявлен парад Красной армии. Солнце радостно глядит с лазурного безоблачного неба, хотя за день до того и день спустя лил дождь. Легкий морозец подсушил все улицы. Москва производит впечатление начисто вымытой и убранной. Езда по улицам прекращена. Толпы куда-то стремящейся принарядившейся публики. Все пути, ведущие к Кремлю и Красной площади, загорожены. Все здания приоделись в красный цвет, «по-праздничному». Обращает на себя внимание строго выдержанный реалистический стиль украшений и надписей. С футуризмом, характерным для первых лет революции, покончено.

Большая часть досок и надписей на памятниках и на общественных зданиях теперь из бронзы, чугуна и меди вместо прежних временных холщовых плакатов. Все выглядит как-то особенно солидно и несокрушимо, точно хотят сказать: мы здесь, и здесь останемся навек. На цоколе статуи Свободы, на площади перед

московским советским зданием, бывшим градоначальством, три медные доски с выгравированной Конституцией РСФСР. И на Красной площади возникли новые прочные сооружения. Было время, когда Ленин и Троцкий произносили здесь свои речи с наскоро сколоченной из досок эстрады, задрапированной красным сукном. Ныне вместо нее возведена трибуна из гранита. Вокруг этого каменного массива выстроился ряд деревянных трибун — для приглашенных членов III Интернационала, коммунистов, дипломатов, журналистов и т. п. Рядом шатер с красным штандартом, с часовым при входе — полевая квартира Троцкого.

Приезд Троцкого ожидается к одиннадцати часам, но уже в десять часов все трибуны переполнены. Московские войска построились уже в восемь утра. Среди приглашенных идут споры о числе расположившихся на площади и по соседним улицам воинских частей.

Я думаю, что в этот день перед Троцким продефилировало не менее 200 000 красноармейцев. Любуются поразительно точным порядком в расстановке полков. Ординарцы скачут взад и вперед. Все в полной форме. Дисциплина удивительно повысилась в сравнении с тем, что было два, полтора, даже полгода назад. Калейдоскоп мундиров. Все в большевистских остроконечных шишаках. На

груди и на рукавах — советская звезда. Войска выстроились в длинные шеренги лицом к достопочтенным кремлевским стенам. Настоящее и прошлое! В конце Красной площади, переливаясь сотней колоров, церковь Василия Блаженного. У подножия этой церкви ради сегодняшнего праздника расположился огромный черновидный цеппелин, украшенный тоже советской звездой. Сотни людей взобрались на Лобное место. Своеобразная картина. Здания и памятники вокруг, свидетели седой старины, говорят об эпохе московских самодержцев. И на этом пестром, причудливом, театральном фоне в качестве живых исполнителей современной драмы тысячи, сотни тысяч красноармейцев, матросов, рабочих и коммунистических делегатов...

Вдруг все замолкло. И только слышен шепот, перекатившийся по рядам солдат и зрителей: «Троцкий вышел из Кремля». Как только вступил Троцкий на Красную площадь, все мгновенно насторожились. «Троцкий, Троцкий...» В серой шинели, окруженный свитой красных командиров и комиссаров, он идет к трибуне. На лице выражение твердой решимости. Движения определены и отчетливы. Некоторый налет театральности.

Троцкий обходит фронт. Красная площадь дрожит от восторженных «ура». За границей

относятся с недоверием, когда говорят о любви войск к Троцкому. Тем не менее это факт. Не решусь сказать, любят ли Троцкого, находящегося ныне в опале, как коммунистического вождя или просто как вождя. Но личность его несомненно окружена известным ореолом. Те, кто им не восторгается, те относятся к нему со смешанным чувством удивления и страха. Во всяком случае Троцкий — личность из ряда вон выходящая, это признают даже «буржуи», и, конечно, это не подлежит сомнению.

После того как Ленин окончательно удалился от дел, Троцкий некоторое время являлся, собственно говоря, настоящим правителем России. Если даже его власть и была ограничена Центральным Комитетом коммунистической партии и влиянием некоторых выдающихся большевиков, все же оставалось несомненным, что на его плечах лежала большая часть забот и трудов по управлению и контролю в советском государстве. Это, конечно, изменилось с тех пор, как он уехал «лечиться» на Кавказ. Но когда-то и Кремль перед ним трепетал... Троцкого с полным правом можно назвать «феноменом», ибо когда и где было мыслимо, чтобы еврею удалось с успехом создать из ничего миллионную армию и стать во главе ее? Но Троцкий показал еще нечто большее: с неустанной энергией он привел свою

армию в движение, сумел вымуштровать ее и повести за собой, невзирая на голод и всевозможные лишения, в бой, к решительной победе. Не он ли бок о бок с Лениным в трудные минуты умел сильной, твердой, часто жесткой рукой направлять уже, казалось, тонущий советский корабль в спасительную гавань? Троцкий, вне всякого сомнения, — великий организатор большевистской революции. Вряд ли существует еще один человек на свете, рабочий день которого был бы так разнообразен и так утомителен, как рабочий день Троцкого. Рядом с заботами о Красной армии он обнаруживает лихорадочную деятельность в самых разнообразных областях: во внутренней политике и во внешней, в промышленности и торговле, в делах церкви, в борьбе с голодом, в горном деле, в авиации, в Коммунистическом Интернационале, в «мировой революции», в революционной пропаганде и т. д. и т. д. С беспримерной энергией он изучает каждый вопрос. Со сказочной быстротой он объезжает вдоль и поперек неизмеримые пространства России. Но и в своей московской штаб-квартире (где, между прочим, царит образцовый порядок и чистота) он никогда не знает покоя и вечно работает не покладая рук. В промежутке между сложными и нелегкими государственными делами Троцкий находит еще время выступать несколько раз в месяц с

зажигательными речами перед рабочими и солдатами. Он даже успевает заниматься литературой и работает над трудом «Об изящной литературе Франции в XX столетии». Во время своих коротких часов отдыха на даче под Москвой он оттуда диктует своему секретарю этот труд по телефону. Троцкий читает ежедневно не только все советские газеты, чтение которых дает ему материал для различных резолюций и распоряжений, но следит также внимательно за русскими эмигрантскими изданиями и важнейшими органами мировой печати. В более свободные минуты он углубляется в творения Шпенглера, Эйнштейна, Каутского и других ученых. В то же время он диктует приказы по армии, статьи для газет, дипломатические ноты, письма и бесчисленное количество инструкций, отправляемых не только по всем углам России. Успешное преодоление этой ежедневной работы дается Троцкому только благодаря свойственной ему сверхчеловеческой энергии.

В то время как Троцкий стоит на трибуне на Красной площади и изрекает слова, которые, быть может, найдут отголосок в отдаленнейших углах земного шара, из Кремля выходит маленькая хорошенькая кокетливая женщина. В черной дорожной шубке и элегантной шляпке. Она хочет пройти на трибуны, часовые же ее не

пропускают. Наконец ей на помощь приходит какой-то красный офицер и галантно провожает ее на место. Она усаживается поодаль от гранитной трибуны оратора. Скромная, почти смущенная. Это женщина — супруга вождя Красной армии Наталия Ивановна Троцкая.

Речь кончена. И вот начинается церемониальный марш. Двенадцать трубачей трубят поход. Десять оркестров одновременно играют «Интернационал». Тридцать аэропланов кружатся над площадью. Все кричат «ура», машут шапками, хохочут и посреди всего этого гама современности невозмутимо раздается звон кремлевских курантов. Вот уже целые века каждый час наигрывают они ту же старинную русскую церковную мелодию, и даже звуки «Интернационала» не могут заглушить ее¹⁷.

Солдаты, матросы, коммунисты, рабочие дефилируют перед нами. Невозможно разобрать, что они кричат. Невольно, однако, вспоминаешь о других массах, которые в разные времена и в разных странах срывались со своих мест. Иные кричали: «На Париж, на Париж!», другие: «На Берлин, на Берлин!» Что кричат эти, я не понимаю. Понимаю только, что они рвутся куда-то вперед. Удастся ли им дойти до той цели, к которой ведут их кремлевские «вожди»? Этого никто не знает... Пока что они продвигаются

перед нами сплоченными рядами, медленно, упорно, с монотонными песнями, вперед, вперед, вперед...

Штрихи к политическому портрету Л. Д. Троцкого.

В социал-демократическом движении с 1897 г., профессиональный революционер.

1903 г. II съезд РСДРП, Троцкий, еще до съезда сблизившийся с Мартовым, занимает меньшевистскую позицию. По окончании съезда Троцкий является одним из наиболее активных и непримиримых меньшевиков, участвует в издании «новой» меньшевистской «Искры», настаивает на создании самостоятельной меньшевистской партии сверху донизу. Но в 1904 г. он расходится по ряду принципиальных вопросов с руководством меньшевиков и отходит от активного сотрудничества с ними. В 1904 г. в Женеве он публикует свою первую книгу «Наши политические задачи», направленную против ленинских взглядов, изложенных в книге «Шаг вперед, два шага назад», но в ряде вопросов критикует и меньшевистские взгляды, хотя и весьма корректно.

Революция 1905 г. Троцкий с паспортом отставного прапорщика Арбузова приезжает в Киев и ведет довольно сложную полулегальную

партийную работу на юге России. В Петроград он приезжает в разгар октябрьской политической стачки, редактирует ряд социал-демократических изданий. 13 октября он избирается заместителем председателя Петросовета, а в конце ноября, после первой волны арестов, становится председателем. За два месяца пребывания у руководства Петросовета Троцкий проявил себя как блестящий оратор, способный организатор и плодовитый литератор. Его статьи, воззвания, прокламации имели значительный успех у рабочих и без сомнения способствовали росту популярности автора. 3 декабря 1905 г. Троцкий вместе с руководством Петросовета был арестован. После десятимесячного следствия Троцкий был осужден на ссылку в Обдорск в Сибири на вечное поселение. В пути ему удалось бежать, он нелегально перешел границу. Вскоре после этого он присутствует как нефракционный социал-демократ на V съезде партии. В период революции Троцким были сформулированы основные положения теории «перманентной революции», которая утверждала, что российская революция — это лишь пролог, начало революции общеевропейской, и называла в связи с этим единственным союзником пролетариата российского пролетариат европейский. Рецидивы этой теории достаточно ярко проявились в период заключения Брестского

мира в 1917–1918 гг. и также во время фракционной борьбы середины 20-х гг.

В 1908–1914 гг. Троцкий занимает промежуточную между большевиками и меньшевиками позицию, его попытки примирения двух направлений в российской социал-демократии не имели успеха. Но и откровенно антибольшевистских позиций он не поддерживал, что отчетливо проявилось в связи с его решительным разрывом с мелкобуржуазным меньшевистским Августовским блоком.

С началом империалистической войны 1914 г. Троцкий пытается остаться на «нейтральной» внефракционной позиции, однако в оценке войны занимает интернационалистскую позицию. В 1916 г. он последовательно высылается из Франции и Испании и, таким образом, в самом начале 1917 г. оказывается в Америке. Узнав о начале революции в России, он выезжает на родину и возвращается в Петроград 4 мая 1917 г. Довольно быстро он добивается лидирующего положения в Межрайонной группе, в которую входили многие социал-демократы интернационалисты. К середине 1917 г. он оказывается среди наиболее популярных руководителей социал-демократии в столице, чему содействовали не только разносторонние способности, но и значительный авторитет председателя Петросовета в 1905 г., а также его

деятельность по объединению левых сил в социал-демократии под лозунгом социалистической революции. И достаточно закономерным в таких условиях стало избрание Троцкого членом ЦК партии большевиков на VI съезде партии после вхождения в партию 4 тысяч членов «межрайонки». Причем при голосовании он из 134 голосов получает 131 голос за избрание. 3 сентября Временному правительству приходится освободить Троцкого из тюрьмы, где он находился еще со времени июльских событий. В предоктябрьский период Троцкий много пишет для газет, участвует в заседаниях ЦК РСДРП(б) и исполкома Петроградского Совета. 25 сентября (8 октября) на перевыборах состава исполкома Петросовета Троцкий входит в него от большевистской армии и избирается его председателем. Он являлся кандидатом от большевиков на выборах в Учредительное собрание.

10 (23) октября 1917 г. Троцкий на заседании ЦК РСДРП(б) избирается во вновь созданный орган по политическому руководству в период подготовки и проведения вооруженного восстания — в Политбюро. Он являлся и активным деятелем ВРК¹⁸, но буквально за три дня до вооруженного восстания его позиция отличалась от ленинской, так как он считал необходимым оттянуть начало восстания до

открытия II съезда Советов и совместить их по времени. Ленин же требовал немедленной организации восстания. Троцкий, без сомнения, занимал видное место среди большевиков, организаторов Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.

II Всероссийский съезд Советов законодательно закрепил переход власти от Временного правительства к Советам, принял постановление о создании рабоче-крестьянского правительства. Троцкий занимает пост народного комиссара иностранных дел, при этом остается председателем Петросовета и возглавляет военные операции против войск Керенского, рвавшихся к Питеру. В это время в полной мере уже проявились жестокость Троцкого и его ставка на террор в решении военных и политических вопросов. 29/10 (11/11) в выступлении на заседании Петросовета он замечает: «Теперь, когда кровь уже пролита, есть только один путь — беспощадная борьба. Думать, что мы можем победить какими-либо другими средствами, — ребячество... За каждого убитого революционера мы убьем пять контрреволюционеров». Жесткую позицию занял Троцкий и 1(14) ноября на расширенном заседании ЦК РСДРП(б) по вопросу о создании «однородного социалистического правительства», на чем настаивали члены группы

Каменева — Зиновьева. В данном случае его роль в преодолении правительственного кризиса несомненна.

В 1918 г. Троцкий срывает переговоры с Германией по поводу подписания Брестского мирного договора. Это было ничем иным, как последовательным проведением в жизнь его теории «перманентной революции», делавшей ставку на развитие революционного движения за пределами России. В связи с этой позицией Троцкого 13 марта 1918 г. СНК освободил его от должности НКВД¹⁹. Тогда же, в марте 1918 г., Троцкий становится председателем Высшего военного совета, а с сентября он — председатель Реввоенсовета, с того же года — нарком по военным и морским делам. На этих должностях он проявил себя талантливым организатором и крупным большевистским военно-политическим руководителем, не останавливающимся ни перед чем при реализации своих идей. В это время в полной мере проявилась и его предельная жестокость не только по отношению к классовым врагам, но и в отношении «рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели». Именно ему принадлежат слова: «Необходимо ставить наших солдат между вероятной и возможной смертью впереди и неизбежной позорной смертью позади». Как показали дальнейшие события, Сталин в эпоху единоличной власти многое

позаимствовал у Троцкого, введя репрессии в норму партийной жизни и формируя заградотряды с самыми широкими полномочиями за спинами бойцов Красной армии в годы Великой Отечественной войны.

Ставка на жесткие административные формы управления политической и экономической жизнью в послевоенный период как метод социалистического строительства была характерна для позиции Троцкого и в период «дискуссии о профсоюзах» в 1920–1921 гг. Дискуссия далеко вышла за пределы обсуждения вопросов профессионального движения и касалась широкого круга проблем демократизации партийной и государственной жизни, введения экономических методов руководства производством и всей системы нэпа. При обсуждении этих вопросов на X съезде партии Троцкий и его сторонники потерпели поражение, подавляющее большинство коммунистов проголосовало за ленинскую платформу.

Но административные и организационные способности Троцкого использовались не только в военной сфере, он также возглавлял наркомат путей сообщения, но в этой деятельности он не добился столь блестящих результатов. Видимо, здесь проявилась характерная черта Троцкого: он наиболее успешно проявлял себя в

экстремальных ситуациях — в период революций, гражданской войны. Ежедневная кропотливая созидательная работа казалась ему скучной и монотонной. В связи с этим становится понятным поведение Троцкого, который в середине 20-х гг., приходя на заседание Политбюро, практически не принимал участия в его работе, а устраивался в углу с каким-нибудь новым французским романом.

Однако такое поведение Троцкого в середине 20-х гг. отнюдь не означало его отказ от борьбы за власть в этот период. Первую попытку заявить о своем особом месте в партии Троцкий предпринял уже осенью 1923 г., когда он, используя лозунг расширения внутрипартийной демократии, пытался скомпрометировать своих политических соперников, что, однако, не принесло реальных результатов. С 1924 г. Троцкий значительное внимание в ряде книг и статей уделял теоретическому обоснованию своих прав на лидерство в партии. С весны 1926 г. по инициативе Зиновьева и Каменева начал складываться их единый блок с Троцким, выступивший единым фронтом на Пленуме ЦК 6–9 апреля. Это выступление во многом явилось проверкой влияния идей блока в партии, хотя теоретическим обоснованием для начала полемики явилось требование Троцкого и Каменева форсировать темпы индустриализации

в СССР. Сколько-нибудь серьезной поддержки в партии оппозиция не получила. Троцкий же после его смещения с высших военных постов в 1925 г. был членом Президиума ВСНХ до 1926 г., а в 1927 г. его вывели из состава Политбюро ЦК и исключили за фракционную оппозиционную деятельность из рядов ВКП(б).

В том же году он был отправлен в ссылку в Алма-Ату. В 1929 г. Троцкий высылается за пределы СССР. 20 февраля 1932 г. он лишен советского гражданства. После высылки Троцкий находился на турецком острове Принципо, затем получил политическое убежище в Норвегии. В эмиграции он продолжал идейную борьбу, причем она имела явную антисталинскую направленность. При этом Троцкий неоднократно подчеркивал свою лояльность к советскому государству и коммунистической партии. Под давлением Советского Союза Норвегия фактически выслала Троцкого, и последний период жизни он провел в Мексике на тщательно охраняемой вилле в Койоакане. Достоверно известно о трех покушениях на Троцкого в Мексике в 1938–1940 гг., причем наиболее вероятно, что принципиальное политическое решение о ликвидации Троцкого было принято Сталиным.

20 августа 1940 г. Л. Д. Троцкий был смертельно ранен в голову Романом

Меркадером. Покушение было спланировано, подготовлено и осуществлено НКВД СССР, непосредственным руководителем этого политического убийства был полковник НКВД Леонид Эйтингтон. Похоронен Л. Д. Троцкий в Мексике на территории своей виллы.

ЗИНОВЬЕВ ГРИГОРИЙ ЕВСЕЕВИЧ

Биография составлена Б. Богданом для энциклопедического словаря «Гранат» в 1925–1926 гг. Приводится в сокращении

Зиновьев Григорий Евсеевич, председатель исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, член Политбюро ЦК РКП(б) и председатель Ленинградского Совета и губисполкома, один из ближайших сотрудников и учеников тов. Ленина. Род. в сент. 1883 г. в г. Елизаветграде Херсонской губ. в малоимущей мелкобуржуазной семье (отец был владельцем небольшой молочной фермы). С 14–15 лет стал жить своим трудом и своим небольшим заработком помогать родным — сначала давал уроки, а потом служил конторщиком (образование получил домашнее).

В конце 90-х годов участвует в первых кружках на юге и близко примыкает к той группе, которая организовала первые экономические стачки рабочих и служащих на юге России. В 1901 г. подвергается первым преследованиям и в 1902 г. уезжает за границу — сначала в Берлин, затем в Париж, потом в Швейцарию. Повсюду принимает близкое участие в тогдашней работе заграничных с.-д. групп, выступает с рефератами и т. д. В 1903 г. в Швейцарии впервые встречается с Лениным.